

Илья Крупник

С Т
Р У
Н Н А

Илья Крупник

Струна (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18399465
Струна: Повести и рассказы: Этерна; Москва; 2015
ISBN 978-5-480-00296-6

Аннотация

Илья Крупник писатель непохожий ни на кого. Его книги выходили редко. В 2015 году ему исполняется 90 лет. И, тем не менее, он молод в своем искусстве, своих чувствах, своих художественных поисках. Он в непрерывном движении, рассказы и повести в нынешнем сборнике отражают разные периоды его творчества и жизни. Истории непохожих человеческих судеб нередко повествуются от первого лица, молодого или старого человека, словно у писателя «блуждающая душа», как говорит один из героев его сочинений, настолько естественно автор перевоплощается в далеких друг от друга персонажей, фразы Крупника очень зримы, даже их слышишь: пластичность удивительная. Некоторые рассказы и повести впервые публиковались в журналах, другие написаны совсем недавно. Завершает сборник раздел «Из писем задумчивому читателю» (2002–2014): размышления автора о стиле Лермонтова, Гоголя в «Петербургских повестях», Гаршина, о структурах повествования Фолкнера, Хэмингуэя, Кортасара.

Содержание

Незабытое	5
Баренцево море	5
Платформа	26
Лючихеза	49
ГТС	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Илья Наумович Крупник

Струна

Повести и рассказы

© И. Н. Крупник, 2015

© ООО «Издательство „Этерна“», оформление, 2015

*– Знаешь... мой дорогой, жизнь, как струна.
Коли ты ищешь, пока ты мыслишь, действуешь,
она напрягается – натянутая твоя струна.*

А как ослабнет...

Рассказ «Струна»

Леле – всегда

Незабытое

Из путевых записных книжек

Баренцево море

9/X – 58 г.

С сегодняшнего дня я матрос поискового рыболовного траулера РТ-211 «Тунец». Вахта третья.

Стоим в Тюве-губе Кольского залива. Деревянные домишки на берегу, каменные сопки кругом. На ржавых громадных камнях, на чертовой высоте «автографы»: РТ-99, РТ-233 и пр. На крышах тоже, подряд (привет Маяковскому). У причала РТ-1 «Акула». Облупленный паровик 30-х годов. Т. е. «Они были первыми».

Наш корабль английской постройки. Кроме кубриков три каюты в трюме на носу. В двух четверо инженеров ПИНРО (Полярного института рыбного хозяйства и океанографии). Моя – на одного. Всё это целая история. Матросы называют: научно-фантастический рейс.

На корабль в экипаж я зачислен гидрологом, потому не в кубрике, в каюте. Но сейчас для гидролога работы нет, ин-

женеры испытывают разноглубинные тралы. Капитан предложил мне вакантное: первого помощника (т. е. замполита), по-здешнему помпа. Я отказался, понятно. А тут сошел с ума матрос перед отходом, выводили его, буйного, двое на берег. Я предложил вместо него себя.

Рыбачья банка

10/X – 58 г.

Ночная вахта. В рулевой рубке тепло, душно, качает. А воды не видно. Всё черно. Ночь. Лишь наверху, над полубаком, подскакивает луна, узенький лунный серп, вверх, вниз, вверх, вниз, вверх, вниз. И над головой всё качается ковш Большой Медведицы.

В рубке отсвечивает картушка компаса и еле-еле аксиомер, да еще медь машинного телеграфа. Мы идем строго по курсу.

Капитан рядом спрашивает удивленно:

– Вы когда-нибудь раньше стояли на руле?

Что ему отвечать...

– Да-а. А у нас матрос Неклюдов два года плавает, а стоять на руле не может.

(Что отвечать... Никто на корабле не знает, что моложа-

вость выручает – что мне не 23, а 33, шесть дней назад исполнилось, что у меня в войну военно-морское училище, канонерка, действующий флот, что и в прокладке штурманской разбираюсь. Никто не знает, как захотелось через столько лет быть снова в море, что больше ни за что не буду я инвалидом, что и в тайге до этого, в 56-м, с геологами работал, а это очень многому еще научило. Якутские похождения перевернули мою сидячую жизнь после войны.)

Прожектор с мостика соскользнул в воду, и засверкал ваер – траловый трос. Белая лента ваера окунулась в голубое пятно на черной воде – след прожектора.

А на горизонте всплыли вдруг и тоже закачались огни. Шли траулеры. Много, много огней. Каждая кучка светлячков – это корабль. И в промежутках черная вода, черное небо.

Однако светлеет постепенно. Отделяется постепенно вода от неба. Показались темные полосы облаков. И над горизонтом заря: розовая и золотая полосы.

Подняли трал. Но не с рыбой, увы. Весь куток забит губкой. Отсюда, сверху, видно. Губки большие беловато-зеленые, словно тыква. И маленькие желтые, как репа.

12/X – 58 г.

Музыка плывет по кораблю, и каждые четыре минуты позывные радиомаяков.

Боцман выдал прорезиненную куртку, по-рыбацки – рокон, и такие же штаны – буксы.

Приборка на крыльях мостика, бешеный шланг, драйка квачем и щеткой стен рубки, соленые брызги из шланга, вспоминаю молодость.

Из стенгазеты «Тунец»:

«В редакцию нашей газеты поступила заметка от рыбамастера Братанова на боцмана. В этой заметке указывается на то, что якобы боцман выбросил за борт электрические моторы и два стопорных гака.

Была создана комиссия по расследованию этих фактов, но они не подтвердились, кроме того факта, что боцман по своей инициативе употребил три банки конфет из неприкосновенного запаса».

Наш боцман, как армейский старшина, прижимист, ватник, вместо порванного, не выпросишь.

А Братанов солидный, кряжистый мужичок, для него боцман мальчишка, хотя большой, грузный (но всего-то в действительности на год меня старше – узнал, ему 34, а никогда не скажешь). И еще: у нас кок-повар вовсе не похож на разжиревшего и важного от обеденных проб, он худенький, деликатный и всегда в кепочке, в ней даже еще не вынута магазинная картонка.

Вообще-то наша команда, матросы (в плавании, не на берегу) простодушные и добрые, хотя и грубые ребята; правда, без всяких удил (тралфлот!). А улыбки хорошие, открытые.

Относятся ко мне хорошо, тепло, оберегают (студент) при подъеме на палубу в качку громадных железных траловых досок, этих грузил трала. Видят, понятно, что не сачкую, сам всегда помогаю и вкалываю с полной отдачей. «Илье надо благодарность вынести (*это они после приборки*). И вообще, чего ты на гидру учишься? Поступай к нам, а то на траулер кормовой, денег зашибешь тысяч пятнадцать, и заработок хороший, и работа».

14/X – 58 г.

Дождь относит ветром. В окне рулевой рубки под прожектором не переставая нити дождя. Но это не косой дождь: брызги летят параллельно воде, палубе, небу, летят влево. А между ними снежинки. Я уже слышал об этом ветре. Его называют «снежный заряд». Но пока еще снега нет.

Звонит телефон. У корабельного телефона странный «собачий» голос. Точно завывает собака. Но собаки нет.

15/X – 58 г.

Ночь. Качка. Спуск трала. На плече тяжелый груз мессенджера, ржавый гак свисает на грудь. Тащу на нос по колену в рыбе. Ноги скользят, в лицо брызги и чешуя, рыба слизь. Дотягиваюсь на четвереньках до решетки, цепляю гак.

А вокруг всё движется, скрежещет, и надо быть начеку, чтоб не обрушилось на тебя это железо, не стянуло сетями в море, да еще качка, и главное, знать, какая последует вот сейчас, сейчас операция спуска, знать, что делать.

В первую ночь ни черта понять не мог, тянул и тащил что говорили, пока не разобрался, да и они, как писал уже, во время оберегали. Потом освоился.

До подъема трала шкерим рыбу прошлого улова. У рыбодела – доска, где ее казнят, прокалываю пикой тресковые морды, цепляю камбалу за белое брюхо, кидаю на рыбодел, следующий отрубает голову, третий взрезает брюхо, вытягивая кровавые кишки и коричневую мокрую печень. Кишки в сторону, печень в открытый трюм.

И опять: согнуться, пикой в оскаленные морды, вскинуть на пику, швырнуть на рыбодел. И опять стук, хряк – рубит голову.

Наконец, тащим шланг, и – бешеный напор: смывает вода с палубы и досок кровавое наше дело.

И опять, опять: «Трал на борт», «Трави», «Выбирай», железный грохот многопудовых траловых досок, они ползут вверх, бухаясь наконец на фальшборт. Как ошалелые вертятся турочки лебедки подъема, и ползут, ползут тросы, лязгают цепи со всех сторон...

После чая в столовой команды долго сидят старожилы, вспоминают прошлое.

– У нас в деревне, я еще пацаном был, решили мы курам свет провести. Насовали пучки соломы в потолок и подожгли. Иллюминация! Сеновал, сарай, полдома сгорело. Отец тогда лупцевал нас, лупцевал (*он счастливо улыбается*).

– А у нас, – это «дед» говорит, старший механик Коля, ему 30, но всех старших механиков называют «дедом», – мы с ребятами костер в погребе развели, даже крыша занялась. Отец всё пытал, пытал: «Кто сделал?!»

Сидят размягченные, тихо говорят, курят, грустно улыбаются.

– Нет, – говорит Иван-моторист, – скоплю деньги, побуду до весны и мотну к себе, на юг.

Радист Гена (он фокусы в кубрике показывал и даже умеет кирпич на голове разбивать) ему не верит:

– Я за девять лет только раз до Москвы доехал и – назад. Деньги кончались. Так и не побывал на родине.

– А я, я выиграю «Волгу» по лотерее (*это Герасимчук*). Спишусь тогда к бису с корабля, на шофера учиться пойду и к себе на Украину уеду.

– Да подожди ты, не уезжай. Колымщиком хочешь стать? Поганым колымщиком? Не доедешь, бичом станешь.

(Как говорил мне на вахте старпом: по-английски «бич» – отлогий пляж, иносказательно, а по-простому «чесать берег». Эти милые сэры, они все пьянствуют на берегу за счет моряков.)

20/X – 58 г.

Наш старпом Николай Владимирович одессит, такой у него яркий одесский выговор, ни с чем не спутаешь, а сам строгий, высокий, худой, двадцать лет он в море, изъездил весь мир штурманом и капитаном на торговых кораблях, он и на тральщике старается навести настоящий морской порядок, но строгостью тут не возьмешь, нельзя, даже взбунтоваться могут, и действует шуточками едкими своими, подковырками.

А капитан Василий Денисович мягкий и добрый, он всегда подтянут, выбрит чисто, аккуратный китель. Но глаза у него, если всмотреться, печальные, и пальцы иногда подрагивают. Ему уже 47. И судьба у него непростая. Был и радистом на зимовке в Главсевморпути (это всё мне старпом рассказывал на вахте) с 37-го по 39-й и с 40-го по 42-й. Потом армия, фронт. А с 45-го в тралфлоте, учился и справедливо дослужился до капитана, но по какой-то кляuze сняли с должности, он даже грузчиком работал, пока не разобрались и не вернули на корабль.

Он единственный, кого наш старпом на судне действи-

тельно уважает: справедливый, интеллигентный, хотя из совсем простой семьи.

21/X – 58 г.

Почему-то сплошь все малые портовые буксиры, снующие вперед, назад, такие крохотные и грязноватые, называются как миноносцы: «Смелый», «Стремительный», «Стерегущий» и т. д. А есть еще «Мираж», его сразу издали узнаешь: у одного из матросов ярко-красная турецкая феска.

Когда однажды в порту Николай Владимирович – он служил тогда старпомом на одном из тральщиков – был, как и все, на берегу, а на пустом корабле капитан оставил третьего штурмана, а тот с приятелем от тоски раскрутил запасной компас, и прикончили они компасный спирт. Но всё свалили на старпома, якобы он был там. За что и списали Николая Владимировича на этот «Мираж». Еле-еле по суду установили, что не он с третьим штурманом выпивали. И лишь потом, спустя время, направили к нам. Но у нас на судне многие его не любят за строгость и называют между собой «капитан-мираж».

А у меня с ним отношения самые хорошие. Он на вахте ночью явно отводит душу, рассказывает мне, где он бывал, разные морские истории, разные случаи, да и про аварии в «этой вот луже», особенно об одной, трагической, когда погибли почти все в снежный заряд, что особенно меня затро-

нуло, так это всё было и совсем недавно.

24/X – 58 г.

Записываю, пишу всё и не хочу ничего скрывать, а, честно говоря, всё равно неловко мне и про это писать.

Лёня, инженер ПИПРО: «Два дня назад, – говорит он мне, – был я ночью на мостике, там капитан и старпом наблюдали за работой команды, говорили о тебе: хороший матрос, – это капитан старпому, – работающий, быстрый, спокойный и – неразговорчивый».

25/X – 58 г.

И опять Мотовский залив. День. Солнце. Тихо. Тепло. К борту идет разноглубинный наш трал. Плывут крутой дугой поплавки-кухтыли. Они близко уже. Вода над тралом отсвечивать начинает бирюзой. Очень яркой. И вот, вот появляются белые-белые капроновые нити.

А вдали из глубин выступает квадратная черная башня атомной подводной лодки.

(Хорошо помню, как 23 сентября 58 года еду на поезде в Мурманск. У меня направление от ВНИРО – Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии. В Мурманске должны взять на корабль в

тралфлот гидрологом.

Несколько дней в библиотеке изучал, конспектировал «Практическую океанографию» В. Снежинского, зарисовывал в блокнот приборы.

А когда ехал вдоль залива, потом от Кандалакши мимо озер, всё смотрел и смотрел в окно, вспоминая 56 год. Другой, конечно, но тоже Север. Может, и смешно звучит, а всё как родное. Здесь осенью поразительно.

Сплошной бордово-красный ковер на земле, желтые листья осин и карельских берез, между ними темные ели. А на ярком ковре, как чугуны, глыбы валунов.

Кандалакшский залив, серое Белое море, из воды такие же торчат валуны. Дичайшая красота, настоящая.

Вот и Мурманск. 4 октября 33 исполнилось. И корабль пришел РТ-211, куда зачислили в экипаж гидрологом.

Молодые ребята и две девочки чертят итоговые графики рейса, графики температур, солености и др. и учат меня (я представился им: студент, мол, заочник второго курса, работаю в типографии), они очень одобряют, что сам решил пройти практику, поплавать, «потом и за третий курс можешь сдать».

Девочки, конечно, начали гадать, сколько мне лет. Рискнул и скинул себе десять лет. И утвердили, наконец: да, как и им, двадцать три. «Он на Федьку похож: выглядит постарше, а глаза молодые».

Даже не выдержал: признался, сегодня у меня день рож-

дения. И все обрадовались: устроим складчину, «вы студент и мы студенты». Устроили торжественно.)

8/XI – 58 г.

Вахта на гидрологическом мостике.

Рейсы к Западному Шпицбергену до кромки льда. И к Новой Земле.

«Берем станцию». Судно стоит, качаясь на волне. Ждет, когда кончим работу.

Спущенный из гидрелебедки трос раскачивается в воде. Ветер. Дождь со снегом. Всё черно.

Низкие леера. Цепляем, цепляем, перегнувшись, батометры на трос. В лицо брызги соленые, ветер.

У меня помощник Коля – новичок-«салажонок», худой, рукастый, демобилизован недавно из армии. Всё просил поменяться ремнем с ним: у меня медная бляха с якорем еще с войны. Наши ребята прозвали его в насмешку Жора. И шуточки вечные: принеси ключ от шпигата (дырка для стока воды с палубы), надрай лапу якоря и пр. Он не обижается уже, даже откликается на Жору.

9/XI – 58 г.

Темнеет теперь к 13 часам. А до того такое праздничное

зеленоватое море. Разве что около Печорской губы, где глубина 23 метра, цвет воды совсем другой – коричневатый, и волны мелкие. Будто идем по реке.

12/XI – 58 г.

Дневная станция не удалась. У борта «ходит и ходит» касатка. То подныривает под тральщик, и громадная, узкая, как торпеда, ее тень видна сквозь воду. Выныривает вдруг у борта ее морда «рот до ушей», потом скользит горбатая спина, а на прощанье появляется для нас хвост.

14/XI – 58 г.

А в каюте тепло. Слышно, как работает вентилятор, беспрерывно. Когда замолкает, просыпаешься ночью от тишины.

Я теперь не один в каюте, в другой – на двоих. Со мной Гера-ихтиолог. Разговоры о жизни. «Современная жизнь (это из Блока в 1909 году) есть кощунство перед искусством. Современное искусство есть кощунство перед жизнью». Это у Геры томик Александра Блока. Гера знает много стихов наизусть.

Потом вдруг:

– Ты гуманист, Илья?

– Гуманист... Ну... как все нормальные люди.

– Не-ет, не как все. Тебе в жизни, думаю, немало обид пришлось перенести. И очень тебя, наверно, больно задевало. Ты переживал, конечно.

– Ну всё это не совсем так. Нет.

– А всё равно считаешь, что почти все люди хорошие? Да?
Добрая душа...

Нас прерывает, мы слышим тоскливый гудок. Это значит, идет опять снежный заряд. И снова наши разговоры, и снова гудок, как рефрен.

17/XI – 58 г.

Наше судно «рыскает», плохо слушается руля, не идет прямо. Это особенно если ветер в корму. Надвигается шторм. Ветер норд-вест. Сплошная стена серой воды рушится на полубак, судно ныряет. В лицо хлещет ледяная крупа. Как «братъ станцию»? Палуба обледенела. Ледяные белые леера, свисают белые, обледенелые цепи. Ячеи траловой сети как ледяные пальцы. Штормуем, «подрабатываем на волну», «торчим носом на волну».

18/XI – 58 г.

Хочу объяснить Коле (не буду звать его «Жорой», хотя

ребята вовсе не зло, добродушно в общем), что такое и для чего наши «станции». Мы ведь разведчики. Выясняем, где лучше ловится рыба, в каком районе. Температура воды, соленость, прочее дает понять, где рыбе хорошо. Точки «станций» соединим в конце работы линией на плане: вот он круг, здесь удачный район. В сентябре, октябре, – говорит Гера, – рыба плохо обычно ловится. А сейчас ноябрь, скоро зима. Записываю всё здесь, на «станции», вот в эту, – объясняю Коле, – гидрологическую книжку, еще угол троса, осадки, давление, температура воздуха. Потом в бланк: местоположение «станции» и т. д.

20/XI – 58 г.

Наконец-то подходим к Шпицбергену. Но на берег «добро» не дают, хотя виза есть. А так хотелось всем отдохнуть. Работа моя матросом была куда живее, гидрологическая однообразней и почти непрерывней, не то что «трал на борт», спуск, уборка, рыбодел. Потому и записываю меньше.

28/XI – 58 г.

Уходим. Новая «станция». Днем. Палуба оттаивает. И опять «станция».

Но вот оно – «однообразие»: трос с батометрами занесло

под корму. Надо сразу, сразу проверять: зацепились ли они за винт, это очень похоже. Сейчас, когда штурман даст ход и...

Коля обвязывает меня длинным куском запасного троса, закрепляет конец в гидролабораторной будке. Лезу через борт, одной рукой держусь, другой, нагнувшись, шарю в воде, дергаю, дергаю. Вот, вот, наконец, – где застряло. Нагибаюсь все ниже, ниже. Сейчас свалюсь... Качка. Брызги. Ну!.. Отцепляю, фу-ух, господи...

Уже декабрь. 1958 год.

Рыбы в тралах всё меньше. Вместо рыбы вытянули акулу.

Она лежала на палубе на боку, огромная, шершавая, серая туша, длиной метра три. Ее кожа, как наждак, жесткая, крепкая, вся в пупырышках. Акула издыхала, тело ее становилось рыхлым. Вчетвером мы так и не смогли ее перевернуть.

Когда она затихла, надо разделявать и избавляться от нее. Даже странно, такое чудовище можно запросто рубить, как простую рыбу. В ее желудке почти непереваренный тюлень-детеныш, камбала и вся наша другая, знакомая рыба.

Ну вот, только-только разрешено войти в зону после испытаний на Новой Земле. Мы входим в зону первыми. Капитан приказал кормить пока команду из консервов, выловленную рыбу ни в коем случае не есть.

Первым ослушался «втихую» третий штурман Слава, куд-

рвяый, почти мальчишка. Он выдает себя за лихого одессита. Это мода появилась. Старпом так заметно по-одесски говорит, но он-то и вправду одессит, все знают. Поначалу неприязненно к этой «одессе» относились, старпома ведь не любят за строгость. А теперь вот даже моторист из Краснодара тоже «одессит». Слава заучивает одесские песенки (откуда только взял их?), чтобы надрывно, с «одесским» завыванием распевать под гитару.

Наш кок-повар в кепочке приготовил – чтобы не одни консервы – еду из креветок, божился, что их еще до зоны выловили. Привирает, конечно.

А мы все с удовольствием едим этих креветок, красноватых, скрюченных сейчас рачков, мясо точно у крабов, только сладковатое чуть-чуть.

Гера назвал по латыни *Pandalus borealis* (если точно передаю) и еще другой вид. Рачки длинноногие, с тонкими длинными усами, тепловодные, но заходят и до Земли Франца-Иосифа и Шпицбергена.

Поскольку работы с тралами сейчас куда меньше, «станции» все время, да и рыбы опять-таки мало, смотрим часто кино в кают-компании. У нас с собой три фильма: «Ив Монтан и Симона Синьоре в Москве», «Солдаты» (по Виктору Некрасову «В окопах Сталинграда»), третий всё забываю название.

Вот так сидим мы, «как баре», поедаем из мисок креветок и смотрим на Симону Синьоре, такой удивительный у нее

женский шарм, слушаем песни Монтана и идем, идем и едем с солдатами.

И всё это обрывается гудками: сплошной снежный заряд. Выбегаем, закрываем лица: с огромной скоростью параллельно палубе летят не нити уже, а снег. И – шторм. Сила ветра, выходит, 10 баллов, а волны... Море покрыто пеной... Траловые доски обледенели, на бобинцах и кухтылях наплывы льда, свисают, раскачиваются, обламываются сосульки под полубаком, сосульки на всех тросах.

И вокруг всё уже стало белым: весь корабль обледенел.

Волны всё выше, всё сильнее и – наконец удар! Прямо в скулу траулера. С такой силой, что вот сейчас, сейчас мы... корабль перевернется, и все мы в воде, в ледяной воде, и на мгновение слова старпома: почти все погибли тогда в снежный заряд.

25/XII – 58 г.

Очень трудно ходить по неподвижной земле, болят ноги, особенно голени. В порту белый дым, в двух шагах ничего не видно.

Я попрощался со всеми ребятами на судне, мне было с ними хорошо, попрощался с капитаном Василием Денисовичем и со старпомом Николаем Владимировичем.

(Ко мне домой потом приходил даже боцман, он, оказы-

вається, тоже москвич, приходил наш старший гидрологической группы; в общем, те, кто из Москвы. Через какое-то время я вдруг получаю извещение, что на почте мне лежит денежная премия из Мурманска, от тралфлота. Первая в моей жизни такая вот премия.)

А я всё шел, расставив широко ноги, по городу, по Мурманску, как говорят здесь, а не в Москве. Я могу теперь отправить Леле письмо и мальчику моему, а не только радиogramмы, и получить пачку ее писем.

Над домами розоватый туман, непонятно почему, а пониже ленивый, грязный дым. Мороз. Хотя я одет тепло.

Я, наконец, получил адрес того тралмейстера, который выжил, когда все люди погибли, того, о ком рассказывал мне на вахте старпом. Его зовут Зайцев Павел Михайлович. Он не ходит теперь в море, работает в порту.

Мы сидим у него дома, он говорит, ему больно, но он сдерживается. Он помнит даже до деталей, что бывает так редко, но это ведь совсем недавно, а для него на всю жизнь.

Я вышел, иду по городу, но будто не по городу совсем, а только сопки и люди эти погибают.

Я шел вверх и понял, что я в центре, это перекресток, так называемый «Пяти углов». Завернешь под тупым углом – улица, она тянется прямо, все дальше, дальше и просто уходит в сопку, на ее склонах деревянные хибары. Это окраина.

Я стою. Потом иду вверх. Ветер норд-ост, но я тепло одет.

Иду с трудом по обледенелому снегу, его корка трескается, как стекло, я проваливаюсь в снег по колено. Сопки, одни сопки впереди и белые, ледяные, как из латуни, телеграфные столбы... Люди, они же шли раздетые почти, выплывшие из ледяной воды, господа.

Ветер чуть не сбивает меня с ног. Я не могу идти дальше, я делаю еще шаг, еще. Не могу...

(Я написал потом повесть об этом. Писал абзац и останавливался. Было такое чувство, что я иду с ними, у меня болело сердце. Я писал долго. О них, обо всех. Я не знал их, конечно. У меня там люди, которых знал я. Но они лишь прототипы, измененные понятно. Единственный – Зайцев [у меня Гусев], какой он был, и я словно прошел, дошел, вместе с ним, не погиб. Повесть называлась «Снежный заряд».

Она о том, как помогали друг другу в этом пути. И о подлости, да, подлости того капитана Телова [у меня Теплов], чей корабль прошел мимо погибающих на сопках. Этот человек хорошо видел севшее на камни судно и черточки бредущих по снегу друг за другом людей. Он ничего не сделал, а он мог, и даже не дал в порт радиogramмы о них.

Ни один журнал не брал эту повесть, хотели явно только «о положительном». Валентин Катаев в «Юности» попросил, чтобы пригласили меня в редакцию.

– Вы тоже шли с ними? О-чень ощущается.

– Нет. Но я это хорошо знаю.

– Зачем же вы о подлеце. Написали бы, что они шли, несли

ну, что ли, какой-нибудь денежный ящик, что ли.

– Какой ящик? Люди погибли.

– Ну это [*у него ведь тоже одесский акцент!..*] это же ли-те-ра-ту-ра.

Повесть вышла потом в краткую «оттепель» в 1962 году, вошла в состав первой моей напечатанной книги. И название ее – «Снежный заряд».

Были рецензии во многих журналах и газетах; кажется, было вместе с опубликованными до этого рассказами «Топь» и «Сержант» таких рецензий 22. Столько, сколько лет потом, после второй книги «На этой земле», ничего не хотели больше у меня печатать. В нашем главном московском издательстве зав. отделом так и сказала, усмехаясь: «Пишите оптимистические поэмы, тогда и будем публиковать».)

27.12.2014

Платформа

8/V – 60 г.

С 5 мая я старший лаборант Дальневосточной экспедиции Всесоюзного института лекарственных растений (ВИЛАРа). Направление работы: г. Новосибирск, г. Уссурийск, Тумынган, Шуран и другие районы Приморского края; острова Сахалин, Кунашир, Итуруп, г. Хабаровск. Срок командировки 4,5 месяца, по 25 октября 1960 г.

(Приказ № 1 по Д.-восточной экспедиции ВИЛАРа. Начальник экспедиции А. Шретер.)

Первое задание: получить в Новосибирске экспедиционную автомашину с закрытым оборудованным кузовом (будкой), доставить в Уссурийск.

В третий раз я уезжаю так надолго из дома. В Москве Леля с маленьким, нет, уже не маленьким, девятилетним Игорем провожали меня на поезд. И так было грустно, очень, когда стояли мы, обнявшись, кучкой на перроне.

А сейчас поезд уже идет по Костромской области. Утро. За окном березовые, осиновые перелески... Сплошное мелькание тоненьких, тонких стволов, белых и светло-зеленых вперемежку. В черных лужах под ними блестит белое небо.

Мимо, всё мимо... Разлилась Ветлуга. Стоят деревья, за-

топлены по пояс, вода у самых изб.

Станция Шарья. Ходят парнишки в школьных картузах, они все наперебой: «Покажите, пожалуйста, коробок». Собирают спичечные этикетки.

Самое красивое – это молодой осинник: тонкие, бледно-зеленые стволы сплошную. Еще без листьев, ветки почти не видны. Весна.

У мальчика на белой голове будто пух, легкий-легкий. Как у птенцов. И лицо, когда оглянулся, тоже, как у веселого утенка в мультипликации. Сколько лет ему? Тоже девять?...

От отчаяния надо читать Грина. Мне уже тридцать пять, не шестнадцать. По-прежнему перечитываю Александра Грина и опять становлюсь человеком. Ничего не изменилось – я всё тот же.

9/IV – 60 г.

Урал. Станция Шаля. Кузино. Скоро Свердловск. Идет снег. Стоят в снегу ели, узкие и длинные. Тянь-шаньские ели. Май. Весна. Снег по колено. Ликуй, душа, на платформе.

– Дети!.. – кричит детсадовский малыш в коридоре вагона, поднимает вверх желтый шар. – Становитесь! Я командир! Дети, стройся! Заходите в туалет!..

А за окном всюду лозунги, лозунги: «Грузам семилетки – зеленую улицу!», «Идущим впереди – слава!»

Скоро Тюмень.

Коричневатый дым верхних тоненьких веток без листьев – молодые березы. Коричневый дым кустов у реки...

– Я не нищий, я – газосварщик. Чем могу тебя отблагодарить?

– Ничем. Ты бы мне дал, если бы мне было худо?

– Дал.

– Ну вот и всё...

10/V – 60 г.

Татарская. Степи. Узкие серые коробки элеватора, посередине квадратная башня. Строят дорогу. Грязь, горы песка, грузовики, бабы в платках с лопатами.

11/V – 60 г.

Дождь. И тоже кажется серым Новосибирск. Он какой-то разбросанный. Большие дома в центре на площади, универмаг, театр. А дальше двухэтажные деревянные дома. Вперемежку каменные. У тротуаров текут ручьи. Железные «полосатые» мостики над ними. Обычные мостики.

Но у вокзала совсем другое. Старинные, двухэтажные, деревянные с резными наличниками, резными карнизами, картушами дома, такими затейливыми картушами. Здорово

очень.

И поликлиника. Нижний этаж каменный, верхний деревянный, с такими же старинными, деревянными узорами. Между двух деревянных домов вместо арки вывеска «Ателье мод». По бокам надписи – стоят с двух сторон господин и дама, нарисованы яркой краской. Точно двадцатые годы. А в книжном магазине старушка-интеллигентка спрашивает Ремарка.

12/V – 60 г.

Электричку в Новосибирске называют «передача». За машиной надо мне ехать в совхоз со станции Восточная. На «передаче» прибыл на станцию Восточная. Здесь своя жизнь. Живу в домике Ивана – экспедитора совхоза, жду оказии в совхоз. На первый взгляд симпатичный парень, понравился: умное, довольно тонкое лицо сельского интеллигента, умные карие глаза. Первое впечатление, правда, далеко не всегда бывает самое верное...

Присмотрись. Держится солидно, с достоинством («перед московским гостем в грязь лицом не ударить»). И в то же время всегда готов подшутить над «городскими белоручками», а в диспетчерской бравирует развязностью – «свой». От молодости всё это?

Вечером оказия: в совхоз едет на тракторе ДТ тракторист Женька, и я с ним.

– Ладно, поехали. Я в прошлом году, веришь, в Москве был, Героя Социалистического Труда вручали, точно, и бригадиру нашему. Я в Киеве на восстановительной, на железной дороге работал. А сюда прямо с трактором – на «целину». Но всё домой тянет. Уеду. Только машину жалко. Взял бы ее с собой. Умная, сама идет. Землячка. Эх, знаешь, люблю так: когда широко и машина хорошая.

Едем по дикой грязи, ухабам. Ухабы – как горы. А кругом темнеет. Слева торчат березки в снегу, какой-то снег желто-серый, свинцовый какой-то снег. Трактор тащит еще тележку, на ней удобрения навалом в кожаных мешках.

Уже совсем темно. Ревет трактор. Только такой парень может тут ехать ночью, жить тут, работать. Ничего, что он немного пьян, по такой дороге ночью не пьяному хрен проехать.

Фары наши освещают: впереди буксует машина. Подбегает шофер.

– Вино есть? – Женька ему.

– День целый не ели.

– Цепляй, – кричит Женька.

Шофер отцепляет нашу тележку. Трактор задом подползает к машине, шофер крепит трос, Женька рвет рычаги, вытягивает, вытягивает машину. Прицепляем тележку.

– Поехали! – орет Женька, не слушая, что хочет сказать шофер, подбежавший к трактору.

(Потом в рассказе «Сеня-Семен» без этой небольшой частности нашей дороги описывается тогдашний ночной наш путь. Там это всего одна из сценок, замысел у рассказа: вообще о жизни человеческой.)

До совхоза не доехали. Ночевали у Женьки дома, в бригаде.

Утром пешком пошел в совхоз. Семь километров. Поля. Солнце. Застывшая грязь автомобильных колес. Так бы и шел всю жизнь по этому полю, дороге...

17/V – 60 г.

...В полу платформы была дырка. Настил проломился. В дырке мчалась стальная рельса и серые полосы земли. Платформа моя – старушка: 1939 года рождения, завода «Красный Профинтерн». Какая, к черту, малая скорость: с бешеной скоростью мчал на Дальний Восток электровоз.

13–15/V 60 г.

Целый день оборудовали будку, и целый день потом на станции доставал платформу. Там помогали мне весовщики Петро и Вера Кись и грузчик Саша Беленков, бывший зк, бывший шофер. Об этом обо всём написал когда-то в рассказе «Платформа». Рассказ не очерк, но так оно всё и было

18/V – 60 г.

Остановился поезд. Утро. И тишина, только птицы поют. От Хопкино к станции Тайга осинник, редкие березы, и всё больше и больше ели.

Ели... Всё больше ели... тайга... Как в Якутии в 56 году...

Вот и сейчас буду кипятить в ведре чай. Ставлю в пустое ведро спиртовку, раскрываю и зажигаю там белые кругляшки – сухой спирт. А сверху моя кружка с водой. Сажу над кружкой на чурбачке. Ведро глубокое, защитит, сколько бы ни дергал поезд. Ем куриное мясо на костях из консервов «Великая стена».

А поезд... Мелькают полустанки, ели, березы, болота, кочки. Не уследить, сколько бы ни ставил дат. Что за чем, по порядку. Всё перестраивается в моем Времени: сегодня было или вчера.

Время. Что такое время...

Желтые цистерны мимо с черными черепами, черными надписями «Яд».

ЗИЛы на платформах, вставшие на дыбы, передками друг на друга, как люди в затылок, положили передним руки на плечи.

Красноярск. Всё мимо.

А вечером пахнет травами, речной сыростью, дымом ко-

стров, деревней. Лиственницы появились вдоль полотна. Вдали пожар.

Мальчишка едет со мной от Красноярска до Клюквенной (четыре часа). «Вы не боитесь? Кругом лагеря». Рассказывает, как ходят в районе какие-то люди, отрезают головы, и еще похищают они детей, надрезают горло и оставляют висеть на крюке, чтобы кровь стекала...

– Господи, и ты можешь верить в такую чушь придуманную?

Мальчишке лет 18. Голубые глаза, толстый нос, толстые губы, на голове военная фуражка, серый пиджачок и брюки заправлены в сапоги.

(11 октября 1941 года я получил паспорт: 4 октября мне исполнилось 16 лет. На Большой Садовой Ростова-на-Дону музыка, очень громкая – марш.

С развернутым знаменем под духовой оркестр плотным флотским строем, занимая всю мостовую, уходит на близкий фронт эвакуированное прежде к нам Севастопольское морское училище. Позади строя кучка без винтовок, маленькие, в рабочих серых робах – быть может, те, кто еще не принял присягу.

Потом известно стало: полегли все под Таганрогом.

Из Новочеркасска приезжает мама в военной форме – военврач третьего ранга (прежде гинеколог, мобилизованная в госпиталь). Госпиталь только организован, эвакуируется на

баржах по Дону к железной дороге, к теплушкам, на восток. Мы собираем наспех кое-какие пожитки в мешки.

А баржа полна народу и полна вещей. Здесь я встретил и своего друга Витьку Зелюкова. Мама его медсестра другого госпиталя, с нею младшая сестра Витьки.

Я приходил к ним домой после войны. Витька не вернулся.

Мы ехали медленно-медленно в теплушках, останавливаясь повсюду, даже в пустой степи. На станции Кинель медсестра родила девочку, ее так и назвали Кинель.

А потом, дальше – зимнее наступление, и нас повернули срочно на запад в Воронеж.

И снова – отступление, и снова назад. Узловая станция Графская, которую запомнил на всю свою жизнь. Так же много там было путей, как на станции Тайга, только всё забито сгоревшими теплушками, брошенными эшелонами. И над ними дым. И словно из дыма с неба, бесконечно, как по часам, вылетали бомбардировщики. Бомбы. Сперва маленькие, потом приближались, всё ближе, ближе, больше, вырастали. Взрыв! Огонь! И снова взрыв. И негде прятаться. Люди метались вдоль вагонов, взмахивая руками, сгибались пополам, закрывая ладонями головы, падали, впивались в землю, бежали с насыпи вниз. И снова гул. Бомбардировщики. И снова бомбы. И огонь.

Короткий «перерыв» наконец, и я вижу, как по дороге слева, вдоль обгоревших деревьев идут легкораненые из мед-

санбатов. К Сталинграду...

Я иду, как все, вперед, чинить пути, огибая воронки, спотыкаюсь о лежащего человека. У него оторвана голова до самых плеч, и там переплетение какое-то того, что внутри. Это было впервые в жизни, в первый раз.

– Если бы написать обо всем, – говорит мой тогдашний приятель. У него была другая судьба, он был моложе, он не был потом, как наше последнее поколение войны, на фронте.

Может быть, именно тогда я подумал, чего бы хотелось мне в будущем.) В юности я мечтал стать путешественником, моряком...

Я лежу в темноте на спине, на спальном мешке. Курю. Вспыхивает огонек сигареты. Под головой у меня ватник. Поезд идет тихо, только толчки иногда, то вперед, то назад. Стены дрожат.

Ступни мои упираются в скользкую жезь: в молочный бидон с водой. Слева, у двери, бензиновая бочка поблескивает в темноте. Такой у меня дом. Два узких ларя по бортам под фанерной будкой, обитой брезентом. В ларях консервы. Позади меня дверь. Над головой окно, там крыша кабины грузовика. Тихо плещет в бидоне вода...

Каждые сто или сто пятьдесят, а то и дести пятьдесят километров меняются паровозы, меняется главный кондуктор, паровозная бригада, железнодорожный стрелок и даже номер состава... Только я – «бессменный». Я еду, так вот чув-

ствую, давным-давно.

Я знаю, конечно, где проезжаем сейчас. У меня карманный атлас – схемы железных дорог. Но я не ставлю дат, как сам себе уже говорил: что такое Время...

Я сбрасываю крючок у двери, толкаю дверь. В лицо мне ветер. Я сижу на полу платформы, сзади машины на чурбачке, запахнув ватник.

Ветер не сильный. У самых моих ног – но это абсолютная правда – сидит светло-зеленая бабочка. Такое вот чудо. Ветер клонит бабочку в сторону, она всё сидит. Потом не выдерживает, улетела.

Поезд останавливается опять. Которая это станция? Идут ребята с портфелями.

– Гляди, какая будка хорошая, – показывает приятелю паренек.

– А чего хорошего, – отворачивается тот и сплевывает. – Доходяга какой-то живет.

А мой поезд сейчас тронется...

Сперва я слышу, как приближается, приближается к нам лязг – это дергается один за другим вагон, всё ближе, ближе. И ты напрягаешься: там, впереди, рвет с места паровоз. И – толчок! Да такой, что гремит и лязгает весь мой дом: консервы в ларе, ведра, привязанные у двери, колесная цепь за бочкой, в бидоне бьется вода. Еще хорошо, что бидон и бочка закреплены намертво.

Поезд трогается.

На пассажирских всё же не так резко, а здесь людей нет, какие люди? – Кондуктор? Стрелки кое-где на площадках?... Выдержат. И я выдержу всё!

В открытую дверь, откуда падает косо́й свет, одна за другой пошли тени неподвижных вагонов с соседнего пути, тени цистерн.

Мой поезд постепенно набирает скорость. Но идет спокойно.

Я смотрю в открытую дверь.

Какие здесь в Забайкалье, под Читой, удивительной красоты места. Вьется справа река Хилок, по ее берегам красно-сизый ивняк, а слева обрывы скал. И всюду тайга, тайга.

Стучат колеса. Я даже напеваю что-то в такт под стук колес, потом всё громче, громче, и даже приплясывать начинаю под стук колес. Потому что мне хорошо. Мне не скучно с самим собой, с тайгой и сопками, уходящими назад, и теми, что бегут навстречу, с облаками, весенним ветром, небом.

Я выхожу из дома на платформу.

Вокруг увалы Яблонового хребта, невысокие, они покрыты розовыми цветами, и все овраги затопил всё тот же розовый свет. А дальше редкие лиственницы в пять этажей с зелеными брызгами на ветках – точечками побегов, и рядом пятиэтажные ели.

Девчата, бабы, строящие дорогу, в косынках, повязанных до глаз, кричат мне вслед и смеются, они желают мне «счастливого доехать», «хорошего пути». Я машу – «спасибо!».

Кто говорил: «Живет он так, как надо, только пишет не так, как надо».

Может, потому пишется «как не надо», потому что живу «как надо».

Мой путь хороший. Я в него верю.

Конечно, вечерами, когда темно, становится иногда грустно. Всё думаю о Леле, о мальчике моем, как они там... Я вижу их во сне, как наяву.

Что такое сон?... Ведь он бывает, не всегда, но бывает, до того реальный, как жизнь. Хотя и с большими странностями, конечно. Но ведь и жизнь наша бывает очень странной.

Просто наш сон – это другой, второй мир. Да и фантазии наши стоят, по-моему, больше сверхрассудочных, рациональных построений.

Я сплю сейчас или не сплю, но хорошо вижу Олега. Наша память состоит, вообще, во всяком случае у меня, словно из каких-то отдельных сцен, часто без начала и конца...

(1944 год. Я бегу по трапу вверх. Боевая тревога. Я еще на середине трапа и слышу позади: «Илюшка!..» Оборачиваюсь: крикнул Олег, он бежал сзади меня, но только еще добежал до трапа. И я вижу, как споткнулся и падает он в раскрытый рядом по боевой тревоге отсек со снарядами...

Больше я ничего не помню. Это было на канонерке.

А это уже, пожалуй, осень 44-го, но тепло. Давно осталась позади канонерка и всё, что было с нами, со мной и Олегом

ПОТОМ...

Мы сидим оба на пустом плацу военно-морского училища, оно перебазировано после конца блокады в Ленинград. А мы четверо (двое раньше нам незнакомых) должны ликвидировать то, что не нужно, и сопровождать затем, охраняя, эшелон с оборудованием в Ленинград.

Мы сидим, перед нами кучи всяких бумаг, документов, иногда их просматриваем из любопытства, рвем и кидаем в огонь. Наше начальство сейчас только два капитан-лейтенанта, но они занимаются чем-то другим.

– Смотри, – говорю я Олегу, – мой паспорт, мы их сдавали, помнишь, после присяги. А вот, уу-х, характеристика на меня. Копия. Последняя. Вот это да! Хорош!.. Покопайся, забери свой паспорт.

Мы едем с кап-лейтами в пассажирском вагоне, с оружием – охрана. А те двое ребят замыкающие – в последней теплушке.

Когда останавливается эшелон, кап-лейты в кителях без погон и фуражек набирают из куч бесхозных соль в мешки. Дальше она будет большая ценность: можно хорошо обменять на что-нибудь.

Кап-лейты наши, да еще в полуштатском, похожи на двух не старых еще, худеньких близнецов. Оба небольшого роста, и лица словно одинаковые – ничего примечательного, приглаженные волосы, поредевшие, неопределенного цвета. С нами они держатся не как «высокие начальники».

Поглядывая на их мешки с солью, Олег тоже решил этим заняться, и мы на полустанке меняем у баб соль на съестное и молоко. В вагоне едим, выпиваем, и я снова иду за Олегом с пустым котелком.

Олег в полной форме для солидности, но он и так солидный, особенно по сравнению со мной, я как был в вагоне в серой робе, не на парад же собрались, и худой, как мальчишка. Хотя мне-то 19, а ему еще 18, но выглядит ну точно он мой дядя: лицо широкое, плотный, невысокий, бескозырка не легкомысленно надвинута на лоб и вид «непроницаемый» – я смеюсь: ты прямо Будда во плоти. Зато могу с ним побороться, руки у меня сильные и сам вовсе никакой не слабый.

– Мальчики! Мальчики! – кричат бабы. – Оглянитесь!

Без всякого паровозного гудка эшелон тронулся.

Оба кап-лейта из вагонной двери, нагибаясь, протягивают нам руки, и мы бежим с Олегом, бежим. Но всё быстрее, быстрее мелькают мимо теплушки одна за другой, одна за другой...

Мы стоим вдвоем на пустом полустанке. Сочувственные бабы давно ушли. Мы молчим.

– Слушай, – говорю я, когда вскочили, наконец, задыхаясь, на тормозную площадку какого-то товарного поезда. – Олег... У меня... У меня, верно, на ступеньках сейчас выпали, Олег, краснофлотская книжка и паспорт...

– Выпали?... – Он смотрит на меня. – Да... Ну, всё. Зна-

чит, ты теперь дезертир.

На воинских эшелонах на площадках стояли часовые, сюда, в пехоту, никто не пускал. «Кто такие? Вы еще куда?!» А опасней всего были патрули.

В общем, как-то ехать можно было, если попадались заводские эшелоны, они к тому же шли в центр, на Москву.

На больших станциях, на наших «пересадках», Олег шел на вокзал, а я прятался где только мог. Кроме документов у смотрительного Олега был продовольственный аттестат. Иначе становилось совсем худо. Денег у нас не было, есть было нечего.

И все-таки однажды нас пустили в вагон. Это была хозяйственная заводская теплушка, там было всего три человека, куча тюков, мешков, посередине «буржуйка».

Я сидел в темноте, в углу, на мешках и даже прилег. А Олег им рассказывал, как мы отстали и что я еще не принял присяги, молодой, потому не в форме. Я слушал и всё боялся, «молодой», захохочу.

Не доезжая Москвы, мы вылезли и передвигались дальше на электричках.

Мы шли по проходу вагонов, на нас глазели со всех сторон. Вид у нас был еще тот.

Впереди шел «дядя Олег» в порванной штанине-клеше, за ним я в перемазанной робе и с котелком. Получалось, что мы шли, теперь и это уж точно, напрямиком к патрулям.

Как нас миновало, до сих пор не пойму.

На товарной станции – направление в Ленинград, осмотрщик вагонов рассказал, где стоит какой-то эшелон, только не ваш, но хотя бы едет по направлению Ленинграда.

Подлезая под вагоны, под теплушки, вышли мы, наконец, куда-то, и тут кинулись к нам каплейты. Они обнимали нас, как родных детей, и это было так искренне. Никогда еще и никто так не радовался ни Олегу, ни мне. И еще я подумал потом: а ведь им к тому же грозил трибунал.)

(Вспоминаю сейчас, спустя столько лет, моего покойного друга Олега, Олега Павловича Преснякова, который стал доктором наук, профессором, зав. кафедрой русской литературы, Олега, с которым мы дружили всю жизнь.)

19–20/1 – 60 г.

– Проводник! Эй! Ты спишь! Проводник!

Кто-то с силой стучит по борту платформы, и грузовик на ней, и моя будка на грузовике трясутся.

– Проводник!

Я сажусь на ларь, на спальный мешок. В будке темно, только отсвечивает на передней стенке оконце. Это на станции горят фонари. Стекло запотело, на нем капли. Они не двигаются. Значит, дождь был, перестал. Состав наш тоже пока не двигается.

Я шарю карманный фонарь, он длинный, блестящий, тоже

китайский, как мои консервы. Сбрасываю крючок, толкаю дверь, в лицо мне ветер. Щелкаю фонарем.

– Чего тебе?

А-а, это стрелок с тамбурной площадки, в тулупе и с винтовкой. Лицо круглое, молодое.

– Можно к тебе? Ох и скукота! Да и промерз, хоть тулуп, как сволочь.

– Лезь, – говорю. – Ладно.

Конечно, неплохо мне одному с самим собой, но все же пускаю, понятно, подвожу: то деда-пасечника, то мужиков-ремонтников, то пареньков. Разговариваем. А чаще – это стрелки с тамбуров. Но у них одна «песня»: – Не жизнь – маета, ни коров, ни коз, ни овец не дают держать, охота запрещена, ловить бреднем рыбу – запрещено. В магазин привозят, так по 40 рублей килограмм... и т. д. и т. п. и т. д.

И этот туда же: и т. д. и т. п. Ни жинку, ни детей когда видишь?! А дети – лесенка, один другого поменьше... Но! Новый дом поставил, пятнадцать соток под огород, у жинки хозяйство, картошка своя, капуста, огурцы, помидоры, куры. И кабан, как медведь! Точно как медведь.

– Когда ж ты всё успел?

– Э-э... – Он машет рукой. – Тебе не понять. Ты еще паренек, пацан. Химичить надо.

Я смотрю на него: лет на восемь, а то и на все десять меня моложе.

– Тебе внове, а я переведал. Дурак был. Пацан, как ты.

Хотел, знаешь, до моря добраться. Пацан был. – Он усмехается из-под тулупа. – У меня хоть калымить тут можно, хозяйство.

– И для детей?

– Ну, их только двое.

– Так ты говорил – лесенка.

– Нет, это у соседки.

– Вы что, с жинкой помогаете ей, что ли?

Он смотрит на меня очумело. Заболтался.

– Ладно. Пора. Пока.

Я открываю ему дверь. Ветер. Очень пахнет на станции карболкой, войной пахнет, как давным-давно. Карболкой с креозотом шпалы пропитывают.

– Главный кондуктор! И машинист с третьего номера! – гремит на всю товарную станцию голос из репродуктора. – Время отправляться! Отправляйтесь! Время отправляться! Вам открыт прямой семафор!

И опять мы едем. Опять сопки с лиственницами, вдали на сопках снег.

Вот появились и валуны-диабазы, совсем как моя якутская тайга. Это ведь всё на той же долготе, только на юге. Но, слава богу, мы едем, а то три часа стояли – всюду ремонтируют дороги. Еще до Амурской области, до «Ерофей Палыча» почти 300 километров.

Кривые, мрачные избы на станции «Веселый».

Ночь. Станция «Жанна», граница с Амурской областью.

Кто-то на гармошке наяряивает «Гоп со смычком».

Амурская область. И сразу нырнули прямо в туннель в горе, как в преисподнюю, пахнет серой. Какой длинный-длинный черный туннель. Клубится дым.

Вынырнули. И опять чинят дорогу. Но здесь у баб, у девок отчаянный, тоскливый дикий вид. Заключение? Здоровенные какие-то парни сбоку. Охрана?

И опять туннели в два, в три километра. Часовые. Проволока. Дождь. От Облучья до Хабаровска еще опять километров 300. Будем ли утром в Хабаровске? Почти семь часов простояли в Архаре.

– Опасайся пускать попутчиков. Кругом лагеря.

Приморье. Часа через два Уссурийск.

От самой Зеи вокруг только степи. И необычные столбы. Один столб упирается в другой столб, будто вытянулся во весь рост и хочет опрокинуть. Нет, подпирает изо всех сил.

Как странно: мне жалко расставаться с моей платформой. Ко всему привыкает человек. А мне было здесь хорошо...

Дождь идет, мелкий. Сыплет и сыплет без остановки. Темнеет уже. Ветер. Гладкая зеленая степь. Скоро Уссурийск.

Ночь. Уссурийск. Дождь прошел. Пахнет цветами.

Утро. Замечательный городок Уссурийск. Беленький, чистенький, в зелени весь. Такой уютный, так хорошо распланирован. Будто это южный город под Дальневосточным солнцем. Недаром, оказывается, он выбран, он первый: самый красивый, самый ухоженный на весь Дальний Восток.

И для меня он самый лучший: на почте письма от Лели, прямо пачка. В них, кстати, привет от Бабили, она довольна, что я по дороге присылал из аванса домой деньги. Да еще узнаю: что целый «подвал» опубликован в «Литературке» – из «Снежного заряда». Просматриваю в библиотеке газету: ничего не сократили, не поправили, напечатали точно как у меня.

28/V – 60 г.

И вот... Вот я попал в рай: это Горно-таежная станция, наша здешняя база. Приехал сюда на своем грузовике, недалеко совсем от Уссурийска. Выполнил первое свое задание, я уже здесь, хотя моих коллег экспедиционных пока нет.

А здесь домики, и меня окружают лес и тишина. Только журчат, журчат ручьи и насвистывают птицы.

29/V – 60 г.

Я вылез из своей будки, и теперь я сижу не в ней, а на поляне в лесу. Вокруг распускаются ландыши, как много ландышей. Я сижу в самой гуще ландышей под солнцем в запахе цветов.

Потом пошел по аллее между невысокими соснами, совсем непохожими на наши сосны. И так дошел до речки, до

висящего на тросах мостика. Шел по мостику, он качался, и я радовался, что пришел сюда. Надо мной зеленые громадные своды, и запах черемухи, да такой, что кружится голова. Здесь черемуха никакие не кусты – деревья.

30/V – 60 г.

А сегодня целый день идет дождь. Тот самый дальневосточный дождь, который проклинал Арсеньев. Сыплет и сыплет с утра до ночи. Целый день я сижу в своей будке. Варю обед. С потолка свешивается выстиранное белье, которое никак не желает сохнуть. Стекло впереди запотело. Похоже не то на предбанник, не то на домик одинокого зимовщика. Райские прелести, о чем писал вчера, захлестнуло дождем. А еще четыре дня ждать, я узнал, пока они приедут.

И в голову приходят мысли о самом себе, о том, что скоро 35, что полжизни, быть может, прожито, а что дальше... И что нельзя настолько уезжать от любимых... Но как иначе жить?... Видеть эту красоту, ездить, видеть мир, а не гнусную физиономию Дроздова, редактора с зелеными чернилами, и пыльный асфальт.

Вчера, когда шел по аллее, казалось, что всё у меня в жизни должно быть хорошо. Это – лес, тишина, река, воздух наполняли счастьем.

Но ведь важно не только что ты видишь, а как видишь.

26/1 – 2015 г.

Лючихеза

5/VI – 60 г.

Вчера, наконец, приехали. В сильный дождь. Разлилась Супутинка. Вылезли из машины – застрянет явно. Надо переходить вброд.

Идем друг за другом по грязи, как французские солдаты в «Их было пятеро». Аспирант Миша впереди, совсем молодой, в берете, с полной выкладкой: в новой зеленой штормовке, таких же брюках, австрийских бутсах, торчит из рюкзака древко гарпуна. На сей раз не я «чечако», как было у меня в 56-м в первый раз – у поезда в Якутию, хотя и был я не таким молодым, но ведь опять-таки первый раз, да с геологами.

За Мишей, спотыкаясь, нагнув голову, Алексей Иванович, тоже в берете, похожем на капор, в очках, бородатый, приземистый, в старом брезентовом плаще, – наш начальник. Потом я, в коричневой, еще «якутской», немного выгоревшей штормовке. А дальше уже – «малыши»: Саша, студент фармацевтического факультета, в штормовке, и 18-летняя толстенькая Нина в брюках и штормовке (она племянница Шретера, взял с собой, чтобы «училась жизни»).

Мы подходим к реке, она стала широкой, но наши ученые

набросились на травы, забыв совсем, что и куда надо двигаться, заговорили «по-марсиански», как определила Нина. Латинские названия летают со всех сторон. В восторге рвут и рвут травы. Я-то хоть подготовился на Горно-таежной, читал нужные книги, рисовал растения, что были тут же под ногами, да и выше: дальневосточные деревья. Точно, как готовился на гидролога – конспектировал и рисовал приборы и разных рыб. (Я теперь, как называет меня Света, общая наша приятельница, – это в письме Лели: гардемарин-натуралист.)

Ну и прекрасно. Натуралист. Прекрасно, что, наконец, приехали и теперь начинается новая жизнь.

Наша работа, казалось бы, полегче, чем у геологов, но... У них нет такой ежедневной, кропотливой бесконечной сушки и перекладывания гербариев, сбора образцов для анализа, семян для посадки в ботаническом саду в Москве. Но самое из всех напряженное: бесконечно рвать сырье для ВИЛАРА, у них ведь есть свой завод. Вот, к примеру, надо луносемянника 300 кг. Даже тележку прикупили, как у Женьки-тракториста.

А наши бесконечные поездки, маршруты, не передохнешь с утра до вечера.

К тому же наш Алексей Иванович суетлив, рассеян, ворчлив, беспорядочен. Поэтому и спешка, волынка по целым дням. Но мы ему все прощаем: он мягок и добродушен, любит шутки и не обижается, когда ему «попадает» от нас. Да и никто друг на друга не обижается: так удачно, что все ценят

юмор, молодые все, живем дружно, весело у нас.

Вот наша Нина нам сообщает свои исторические познания: «Троцкий был вредителем во Временном правительстве».

Все хохочут до слез, она не понимает почему, потом хочет тоже вместе с нами.

Мы ее учим, недаром дядя Шретер взял с собой, чтобы она просвещалась во всем.

А нас уже теперь семь человек: шофер Серега, разбитной парень, москвич. У него две дочки-близнята, их фотокарточки возит с собой и показывает. И еще – повариха, тоже молодая, студентка, нанялась на сезон.

10–12/VI – 60 г.

Работа, работа, работа. Весь наш табор вчера целый день собирал spierejru (спирэйю) – по-простому таволожка, т. е. это самое сырье. На следующий день без конца рвали и рвали chlorantus, выкапывали корни. Пахнут они морковкой. Потом будут исследовать на эфирные масла, на алкалоиды. А Миша залез на дерево, на дикую грушу. Бросает ветки вниз, и на нас сверху густо-густо сыпятся белые лепестки.

14/VI – 60 г.

Погода хорошая. Переправляемся через другую реку. Наконец-то настоящая арсеньевская тайга, Супутинский заповедник. Живем в балагане лесорубов. Варится суп на костре. Кругом никого. Сюда боятся ходить: неподалеку устроилась тигрица с дитятами, они воют тоненько по вечерам.

Всего в заповеднике восемь тигров. К тому же один из них калека – трехногий. Он – поэтому все понимают – может стать людоедом. Пока же мирно крадет только собак у научных работников.

Старичок-директор выдал Шретеру карабин с четырьмя патронами. «Выстрелите два раза подряд, – сказал дребезжащим голосом директор, – мы на помощь подойдем...»

Шретер тут же вручил карабин мне – от греха подальше. И вот идем мы – сбившись в опасливую кучку. «Нет, так нельзя», – командует человек с карабином, как будто он знает всё, он (это я) идет сзади, охраняя, оглядывая бдительно окрестность. Интересно, что бы было, если бы тигр все-таки появился, но, слава богу, он не появился.

А мы все равно ходим за сырьем и образцами в разные, даже далекие от балагана маршруты. И всё по тайге, по глухим кедровникам. Вечерами, а то и ночами сидим у костра, разговариваем, острим, хохочем. Разве что песни не поем, очень уж находились, наработались за день.

15/VI – 60 г.

Фотографируемся у домика академика Комарова Владимира Леонтьевича – крупнейшего знатока флоры Восточной Азии. В 32-м, 33-м и 35-м годах он жил и работал в этом домике.

Старший объездчик, который сопровождает нас, громадный дядя без правого глаза, представился сразу:

– Я вообще-то преподаватель музыки. 18 лет учил играть на баяне.

И вот наконец-то увидели мы хотя бы следы тигра, шли по его свежим следам. К чему только не привыкаешь. (Кроме мошки – уши распухли и горят от нее и деметилфтолата.)

16/VI – 60 г.

У реки Пейшулы залезли даже в пещеру (развлекали Нину: писали копотью на стенке, как Том и Бекки).

20/VI – 60 г.

Едем на юг, к китайской границе, к реке Лючихезе. По дороге заезжали и работали в Шуфане и Тигровой. А дальше – странные очень места: есть дороги, есть расчищенные троп-

ки и ни единого дома, ни единого человека на километры.

Машина останавливается. Серега опасно выглядывает в окошко кабины.

– Там дзоты, – сообщает он, – сплошь, и блиндажи, колючую проволоку вижу. Что за черт, куда мы заехали...

Алексей Иванович раскрывает карту местности. Мы гурьбой окружаем его.

– Это... – Он стискивает бороду в кулак. И мы подхватывает падающую карту.

– Здесь, на этом месте, на карте, – говорит он, – очень большое пятно. Судя по всему, это... это, если правильно называю, укрепрайон. Перед Китаем. Но ведь мы с Китаем сейчас не в споре. Надо пойти посмотреть.

Алексей Иванович спускается по приставной лесенке из будки и идет, брезентовый плащ его развевается.

– Ребята! – Он машет нам рукой. – Идите! Здесь нет никого. Это всё брошено. Это бывший наш укрепрайон.

Мы подходим. Дзоты кругом. Но всё заросло кустарником, из отверстия в дзоте торчит орешник. На полуоборванной проволоке видны стебли цемицифуги. Она обвивает проволоку. Если собрать здесь цемицифугу (это сердечное), а мы ведь хотели ее найти... Значит, старайся не уколоться о проволоку.

Сообща решили оставаться здесь. Поставили палатку, кто спит в фургоне, кто в палатке.

И третий день мы копаем здесь корни, отбираем у прово-

локи наше добро. Попутно подстрелили косулю и зажарили на костре. С продуктами у нас негусто.

24/VI – 60 г.

Наконец уезжаем в Кедровую падь.

Здесь нет уже расчищенных дорог, и в одной «ямке» буксовали три часа.

Потом – получше, спокойней. И когда смотришь в открытую заднюю дверь фургона, видишь уходящую дорогу, высокие сопки, и кажется, будто дорога уходит, а сопки надвигаются сзади, догоняют, становятся больше, больше. На вершинах сопкок темнеет могильная сосна.

И становится грустно. Ведь впереди еще три месяца. И хоть крутимся с утра до вечера, и всё у меня хорошо, хочу видеть Лелю, Гишку, очень хочу написать Гишке, а написать письмо сейчас не смогу.

Даже во сне так хочешь написать сыну. Но сын был рядом, я разговаривал с ним, стриженным, потным, веселым, сын был всегда со мной...

28/VI – 60 г.

Мы в бассейне реки Эльдуги. Идем сквозь чозениевые леса – это ива-корейка, такая стройная, как тополь. Но сама

река...

Уже потеряли счет этим переходам через ту же Эльдугу. Она вся извивается, извивается. Да еще пошел дождь, и так сыплет и сыплет целый день.

Переходим по колена в воде. Пищат и хлюпают тяжелые ботинки, болят руки в плечах от сырости. Никогда не было никого мокрее, чем мы (это мы уверены).

Пришли в лагерь ночью, выкручиваем трусы, майки, носки, не говоря, понятно, о штанах и рубахах. «Выстирали». Вытерлись, как после бани. Замерзли мы страшно. А потом не спали всю ночь от сырости и пота в спальных мешках. По всему телу ползает мокрец.

А дождь... ну конечно, перестал, и над рекой туман.

1/VII – 60 г.

Полуостров Гамова. Солнце, жара, юг, купаемся в Японском море.

На берегу избушка, живет сорокалетняя вдова. Вдали от всех. У нее девять детей, все «Пети», все – «пограничники». Вдова совсем не старая, разбитная, пудрится.

2/VII – 60 г.

А теперь мы идем по чудесному лесу. Клены, черный

яшень, бархат, сплошные кусты рододендрона.

Мы работаем. А над нами лунь плывет, плывет над землей, весь белый, только кончики крыльев черные.

Хорошо видна «Гора туманов». Она и впрямь будто разрезана туманной тяжелой полосой. А сверху выглядывает ее макушка. И все время по склону летают светлячки. Кажется, это люди идут вверх бесконечно с фонариками.

11/VII – 60 г.

К нам присоединился ленинградец Эрик. Хочет пойти с нами в Сихотэ-Алинь, работать вместе с нами. Он «прогрессист», показывает журнал с критикой Лысенко. Алексей Иванович соглашается его принять. В свое время Алексей Иванович выступал против Лысенко, и его здорово тогда ударили.

Но... Этот «столичный ученый» Эрик экипирован уж совсем как «чечако», у него даже настоящий кинжал на поясе.

А изъясняется он так: «Дмитрий Васильевич Х., академик, вы, конечно, знаете его, как-то сказал мне за вечерним чаем...», «И сам я бороду буду здесь отращивать, меня должны в Англию пригласить, и вот я – из тайги...»

Ну тут же наша Нина отходит на самый задний план в наших безобидных розыгрышах. Однако ученый Эрик никаких наших шуток не замечает (не понимает?), уж очень он занят самим собой, рассказами о том, как его ценят «за ве-

черным чаем...» и т. д. и т. п.

А ведь мы, как распорядился Шретер, должны были вдвоем с Мишей идти в Сихотэ-Алинь, и серьезные у нас задания по нашей работе. Но он идет с нами.

17/VII – 60 г.

Сихотэ-Алинь. Опять арсеньевская дальневосточная тайга. Идем, натянув капюшоны штормовок, а на лицах марля, как маска. Носки натянули на брючины – от клещей. Каждые метров 15–20 все равно останавливаемся и, несмотря на чертовых мушек и мух, что лезут в глаза и всюду, раздеваемся чуть не догола и обираем клещей друг у друга. Копать корни растений можно разве что в противогазах, которых у нас нет, но мы все равно копаем, отбиваясь от летящего гнуса.

И снова идем, все зеленые от кедровой пыльцы. За плечами тяжелые рюкзаки с образцами и едой.

Когда идешь с марлей на лице, кажется, что смотришь... да, через кисею в жаркое лето на море, и кругом тишина, покой. А как откинешь кисею, мир кажется ярким-ярким, красочным, чисто вымытым, и вокруг пихты Сихотэ-Алиня, и всё те же мухи летят в глаза...

Мы с Мишей все-таки выдерживаем. Миша оказался и вправду славным парнем – скромным, работающим и довольно выносливым.

А вот наш «академик» тащился, стеноя, на полкилометра

сзади, жалуясь, что у него болит живот и что его мечта сейчас – выпить компота. Парень он все же нудный, хвастливый и явно не шибко умный, хотя и «всё знает». К тому же оказалось, что он вовсе не ботаник, а паразитолог, специалист по галам – наростам на деревьях. Ходить в походе в ритме он не умеет, и мы его ждем.

Вышли на тропу. На пихтовом стволе указатель, стрелка: «к баракам». Идем, всё идем, всё так же зеленые сплошь от кедровой пылицы, и никаких бараков.

Наконец, очень странное сооружение на высоких четырех столбах, наверху широкая большая доска, на ней всем хватит уместиться. Понимаем, что это, вероятно, и есть «бараки». Топографы соорудили – от зверья.

Устроились все наверху спать под пологом, уже ведь темнеет, и очень быстро.

Заснули сразу от усталости. Еле проснулись, но пора двигаться дальше.

Догнали идущего впереди человека. Это геодезист, нам по пути.

Идем, разговариваем, я слева, он в середине, Миша справа. «Академик», как всегда, позади.

Сбоку, рядом со мной высокие, повыше пояса густые кусты. Боковым зрением вдруг замечаю, что за кустами чья-то серая спина, кто-то идет тихо рядом, я внезапно понимаю, что это дикий кабан.

Геодезист выхватывает из кобуры ТТ... Я хватаю его за

руку, Миша с другого бока.

Ранить кабана – не убьет же из своего пистолета, и тогда всем нам конец: раненый кабан, это почти что встретить тигра.

Еле успокоились и уже не разговариваем, идем тихо, очень тихо, и он тоже идет рядом так же тихо, идет и идет с нами. И – исчез.

А впереди, метрах в 50, высоченная, очень крутая гора. Это Лючихеза (1598). Шретер говорил нам: «Посмотрите, что там, есть ли для нас стоящее».

Прощались с Леней – геодезистом. Приготавливаемся с Мишей к подъему. У Эрика оставляем все наше снаряжение. Как нам лезть?...

Подаю руку, другая судорожно сжимает ветку верхнего куста. Подтягиваемся, помогая коленями.

Сил нет. Останавливаюсь, прижимаюсь к проплешине между кустами.

Нет. Мы не лезем, мы ползем по этой дико крутой спине чертовой Лючихезы.

Останавливаюсь почти что каждые четыре-пять метров. А еще, еще пить как хочется. Как хочется пить. Пот заливает всё лицо. Вода есть только в моей фляжке, но это НЗ, если доберемся. Если...

Отдыхаем на каком-то выступе и рвем растущую кругом траву-кислицу, но это не помогает. Вот еще белый мох – сфагнум. Сжимаем его, выцеживаем коричневую грязную

воду в кружку и цедим ее в другую кружку через обрывок марли, смоченной в деметилфтолате.

Сколько времени мы лезли. Кажется, прошло уже много-много часов.

Но вот, вот, наконец, вершина! Мы на вершине!

Садимся. Дышим как загнанные. Закрываем глаза. Наконец встаем с трудом. Я наливаю воду из фляжки, и мы чокаемся кружками. Да. Мы добрались, мы пришли.

А вершина, вершина почти голая, только кедровый стланник. Больше ничего. Получается, лезть было незачем.

Но у меня возникло, когда мы пьем и пьем воду, совсем не «ботаническое» чувство. Чувство победы. 145 километров прошли Сихотэ-Алиня, и потом вверх. Всё подступы, подступы, вершины. В общем, как в жизни.

Январь 2015 г.

ГТС

24/VII – 60 г.

Встретили нас, когда вышли мы из Сихотэ-Алиня, замечательные люди в Управлении здешнего заповедника: муж и жена Руковские, Николай Николаевич и Евгения Михайловна, – москвичи-зоологи. Он замдиректора заповедника. Встретили нас, измученных, как родных, кормили, как дома. В этом заповеднике есть даже книжный магазин! Купил Ремарка «Жизнь займы», «Земля людей» Сент-Экзюпери, «Французские тетради» Эренбурга и «Люди или животные» Веркора.

Бухта Терней. Здесь по берегу лежит обкатанная морем галька, такая большая, что кажется – это груды громадных яиц ископаемого эпиорниса.

Достопримечательность Тернея: «Король морей» и «Царь Шаньдуньский» – он ссыльный потемкинец. Старик до последнего времени вел журнал учета кораблей, проходящих мимо: национальность, водоизмещение, тоннаж и пр.

А когда мы шли вниз с Тернейских гор, то мы шли словно по дороге цветов: оранжевые огоньки, бело-розовые колосья горца, фиолетовая герань и ирис. Всё нам теперь как подарок.

Встретили и 84-летнего деда, он нам подарил рукописные свои записки: может, пригодятся его записки хоть кому-то и для чего-то. Наверняка, дедушка, я уверен.

Но всё еще живет в нас память о нашем переходе. Лежим рядом в спальных мешках, головы от жары не прячем. Мишины волосы касаются моего лба, и я хлопаю по лбу ладонью, всё чудится, что это рой мошки.

28/VII – 60 г.

И снова удача. Едем в Горно-таежную: ребята-геологи подвозят нас на машине, Гена, Слава, геофизик Валентин, начальник отряда Николай Иванович. Мчится машина 70 км в час. Лежу в кузове на спине. Синее-синее небо над головой и неподвижные облака. Нет движения – стоят облака. А машина мчится...

1/VIII – 60 г.

ГТС – Горно-таежная. Вот так вот и прошли почти три месяца. Осталось два. Послезавтра думаем выехать с машиной во Владивосток, а 5/VIII отплывать на Сахалин. Не знаю, как получится. Алексей Иванович немного расклеился, чуть-чуть устал, да он и старше, по-моему, меня, не знаю на сколько. Мы с Мишей «толкаем его в шею», чтобы дви-

гаться, ехать. А наш «академик»-кинжалоносите́ль (даже на ГТС ходит и даже спит с кинжалом) хочет поскорее вернуться в Ленинград, мы здорово его укатали в Сихотэ-Алине. Слава богу, пусть едет. Без него нам лучше.

Но пока мы сами никуда не едем, развлекаемся, «издеваясь» шутливо друг над другом. Над шретеровской суетней и воркотней, над моими «постоянными утренними и вечерними омовениями во всех горных реках» (это уже Шретер «в отместку»: «Илья Наумович опять принимает холодные ванны»). Вообще-то, он, конечно, зовет меня по имени), над Мишиными вечными писаниями писем родственникам, над Сашиной способностью терять абсолютно всё: от носков до часов и фотоаппарата (всё это потом ищется коллективно) и т. д. и т. п. Всякая мелочь обыгрывается и отшучивается, потому и жить становится как-то веселее (прямо как дети). И еще считают, что я – я! – весельчак! И молодею не по дням, а по часам (ну это уже Нина считает, которой надо, по-моему, еще, в коричневом платьице школьном с передничком ходить, а не в экспедиции ездить. Мы ведь, изверги, особенно потешаемся над нашей бедной Ниной).

Но ведь иначе – сидеть на одном месте без всякого дела такая скука.

Где это я читал? Когда берут в полярную экспедицию научного работника, его спрашивают: умеете ли вы... ничего не делать. Ждать неделями, когда непогода. Неделями!

Мы-то, наоборот, в райском спокойном месте, а всё рав-

но... Перечитываю Лелины письма, которые получил, наконец, на ГТС, и хочется уже к себе, к себе домой, и это ведь понятно.

По несколько раз перечитывал письма... Вот. А Гишка!.. Гишка просто замечательный парень. Его письмо читали все, начиная от Шретера и кончая Мишей-молодоженом. У Алексея Ивановича сын ровесник Гишки, и А. И. цокал от умиления и крутил бородой.

Черти, писать не дают. Болтают и хохочут, а уже поздно. Все укладываются спать, а нас с Мишей гонят в кухню писать, и мы усаживаемся с ним рядком у плиты, а через стенку кричат, чтоб мы обязательно передавали приветы, это они искренне. Особенно Гишке. Передаю.

12/VIII – 60 г.

Ну вот и «трубы трубят». Мы погрузились с нашей будкой и со всеми нашими пожитками на пароход «Забайкалье». Рейс – в Корсаков, на Сахалин! (Всё промежуточное – как собирали пожитки, как прибыли на побережье и пр. – опускаю.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.